

И. Н. Потапенко

Рассказы

Писатели чеховской поры: Избранные произведения писателей 80--90-х годов: В 2-х т.-- М., Худож. лит., 1982.

Т. 1. Вступит. статья, сост. и коммент. С. В. Букчина.

OCR Бычков М. Н.

СОДЕРЖАНИЕ

Секретарь его превосходительства. *Очерк*
Шестеро. *Рассказ*

СЕКРЕТАРЬ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

Очерк

I

-- Так вот-с, видите ли, почтеннейший Владимир Сергеич,-- все эти разрозненные сведения, заключенные в бесчисленные обложки и запечатленные внушительными номерами, надобно собрать, систематизировать, рассортировать и обработать. Я должен вам сказать, что, благодаря неусыпной энергии и замечательному искусству Антона Петровича, мы уже половину дела сделали. Самое трудное тут было -- проложить путь, и этот путь проложен. Ах, вы не можете себе представить, до какой степени я был беспомощен до появления на моем горизонте Антона Петровича! А впрочем, говоря по совести и, конечно, *entre nous* {между нами (*фр.*)}, все это глубочайшая ерунда и до тошноты надоело мне...

Говоря это, мой патрон с необычайною нервностью вертелся на своем дубовом кресле, спинка которого была слишком низка, а перила слишком высоки. Было очевидно, что в кресле этом он чувствовал себя крайне неудобно. Его маленькие ножки висели, не доставая до полу, и напрасно искали опоры; локтям было слишком высоко опираться на перила. Я старался слушать его внимательно, но это мне мало удавалось. Это уже был пятый день, что я привыкал к нему, и никак не мог привыкнуть. Этот маленький человечек, немного раздавшийся вширь, с небольшим брюшком, походившим скорее на опухоль, с лицом землистого цвета, с жиденькой белобрысой козлиной бородкой и ничтожными усиками, с умными блестящими быстрыми глазами, с большим лбом и с густыми волосами, падавшими на лоб, был для меня сфинксом. Когда он длинно и основательно говорил о "разработке материала", для которой, собственно, я был призван, мне всегда казалось, что он шутит или потешается над каким-то третьим, отсутствующим лицом. На этот раз, как и всегда, его серьезная речь сопровождалась саркастической улыбкой, а к оберткам "дел" он прикасался двумя пальцами с такой гадливостью, словно под этими обертками скрывались не "сведения о числе заседаний чертопульской городской думы в 187* году", а целое гнездо грязных насекомых.

Мы сидели с ним уже часа два. Я почти все время молчал, ограничиваясь только репликами. Зато он говорил без конца. По крайней мере, двадцать раз он начинал говорить о "разработке материала", но сейчас же сбивался на жалобу, что ему это надоело, и хватался за голову, которую непрерывно мучила мигрень.

-- Ах, с каким наслаждением я все это бросил бы, нет, не бросил бы, а швырнул бы и умчался куда-нибудь на лоно природы, на зеленую травку, где бродят овцы, коровы, лошади, свиньи и нет ни